

Звездные саги
Алексея Бессонова

★ ВЕТЕР и СТАЛЬ ★

Алексей Игоревич Бессонов

Ветер и сталь

Серия «Мир Алекса Королева»

Серия «Алекс Королев», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122927

Аннотация

Алекс Королев – потомственный офицер имперского Галактического флота. Пока такие, как он, в строю, космическим пиратам и гангстерам не будет спокойной жизни. И хотя мать-прародительница Земля изувечена в звездных и внутренних войнах, в рыцарских сердцах космических десантников живы мужество и любовь к прекрасной даме.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алексей Бессонов

Ветер и сталь

Глава 1

Лейтенант Королев

– Я зависал в баре на Кирк-роуд в компании очаровательной подружки лет семнадцати, наслаждаясь ее невинной болтовней и созерцая пару совершенно прелестных сисек под тонкой тканью блузки, когда в помещение вошел крепкий дядя в форме десантного майора и принялся оглядывать столики. Вид он имел весьма боевой – на рукавах хорошо пошитого зеленого мундира нашивки офицера-снайпера и мастера полевой разведки, в левом ухе здоровенная серьга в форме серебряного черепа.

Быстро проскользив взглядом по полутемному залу, майор уперся глазами в меня и двинулся в нашу сторону. Я не успел даже удивиться, как верзила подошел к столику и суровым голосом спросил:

– Первый лейтенант Королев?

Черт возьми, а я-то заливал крошке, что работаю помощником режиссера на TV-Rox! Видели бы вы ее лицо...

– Слушаю вас, майор...

– Прощу вас следовать за мной.

Попрощаться я не успел. Десантник стремительно вышел на Кирк-роуд, и я, словно собачонка, рванул следом.

Прямо на тротуаре у входа в бар стоял громоздкий «Анели-Барон» с включенными фарами. Мой похититель сел за руль, я занял место рядом с ним. К тому времени я уже успел разглядеть на его рукаве пронзенный молнией щит – эмблему третьего управления – и вопросов не задавал. «Тройка» так «тройка», но на кой черт я им понадобился – офицер-ксенолог из Первого разведуправления Службы безопасности? «Тройка» занимается контрразведкой и решением весьма специфических проблем типа борьбы с пиратством, терроризмом и прочими шалостями. Я-то тут при чем? Еще оставался вопрос о странной спешке, но я оставил его на закуску.

Дядя мчался по городу с лихостью чемпиона ралли. Ему, очевидно, было глубоко чихать на то, что он выдавал 140 км вместо максимальных 150, что гарантировало неплохой штраф. А впрочем, будь я дуболомом из «тройки», я бы тоже так ездил. А уж когда я дослужусь до целого майора, я тоже куплю себе спортивную тачку самой разгильдяйской модели вроде его «Барона».

Мы проскочили парковое кольцо и ворвались в престижный Стокстон – район миллионеров и суперзвезд. Майор сбросил скорость, со свистом пронесся через пару кварталов шикарных особняков, свернул налево и затормозил.

Я оторопел. Фары выхватили из тьмы очертания древне-россианского замка в миниатюре – остроконечные башни, мрачные окна-бойницы, нависающий над входом фронтон. «Барон» въехал на территорию усадьбы и замер у центрального входа. Десантник выпрыгнул наружу. Я последовал за ним.

Мы вошли в просторный холл, отделанный кожей вперемежку с деревянными панелями. С потолка на цепях свисали витиеватые светильники, стилизованные под эпоху Сак, озаряя и без того мрачный холл своим причудливым красно-синим светом. Рядом с ведущей наверх узкой винтовой лестницей на резной костяной колонне торчал традиционный рогатый череп из играющего дьявольским огнем кроваво-красного полупрозрачного камня. Колонна, похоже, была натуральной, но если даже и нет, один черт – стилизация была абсолютной, создавая ощущение, что ты находишься не среди имперской столицы, а на Россе, в фамильном гнезде какого-нибудь рубаки, чей род насчитывает около сотни славных воителей и теряется в глубине веков.

Я, впрочем, не успел в полной мере насладиться антикварным духом холла, так как майор молча двинулся вверх по лестнице, и я *volens-nevolens* рванул за ним.

Второй этаж выглядел столь же чужим и вычурным. Я на ходу подумал, что уж я-то точно не смог бы жить в такой берлоге – тут не хватало лишь традиционного дракона Ри и девы Иэку, а так все было натурально. Замок так и вонял

древними рыцарскими доблестями в духе Росса.

Майор распахнул высоченную, украшенную магическими рунами дверь и шагнул внутрь.

– Я привез его, полковник, – услышал я его голос.

Не знаю, кем надо быть, чтобы жить среди скопища черепов, а уж этого добра тут было в избытке, хоть оптовую торговлю открывай. Потом, конечно, я понял... Черепа торчали на верхних полках застекленных стеллажей, которые занимали две стены просторной комнаты, и это было первое, что бросалось в глаза. Черепов была чертова прорва, и ассортимент был весьма не кислый – человеческие, лидданские, росские, ортианские, леггах, фаргианские и черт его знает еще чьи. Еще можно было решить, что это обиталище завернутого антрополога, но три росских меча разных эпох, висящие на покрытой шкурой ящера сэф стене, наводили на мысль, что хозяин всего-навсего увлекается отчекрыживанием не в меру буйных головушек своих противников. А может, это фамильная традиция, хвост его поймет...

Я, очевидно, обалдел от этого воинственного великолепия настолько, что не сразу обратил внимание на того, к кому обращался мой майор. А когда все-таки разглядел его, удивился еще больше.

Возле низкого кожаного пуфа стоял невысокий тщедушного вида тип в расшитой рыжими рунами синей тунике. Подпоясан он был широким серебристым шарфом – символом высшей ступени Постижения Боя. Тонкая мускулистая

рука, покрытая ритуальной татуировкой, держала высокий, узкий, как пробирка, резной бокал. По типу лица невозможно было определить возраст – ему могло быть и 25, и 45. По тонким губам блуждала бессмысленная ухмылка, но темные глаза смотрели живо и как-то пронзительно, словно два сверла.

– Спасибо, Эткинс. Я думаю, ты можешь ехать... – лениво произнес он и обратился ко мне на безупречном русском, словно коренной землянин: – Добрый вечер, Саша. Я должен извиниться за некоторую бестактность с моей стороны. Садись.

Я присел на такой же кожаный пуф у стены, а он тем временем плеснул мне что-то из высокой бутылки и протянул узкий бокал.

– Я полковник Йорг Детеринг Танк, старший офицер Оперативно-тактической службы третьего управления.

Мне все стало ясно. Передо мной стоял легендарный Танк, воитель совершенно фантастического уровня, двенадцать лет проторчавший на Россе, у Горных Мастеров, и постигший высшие таинства Боя. Живая легенда. Человек, для которого не существовало невозможного. Человек, получивший Серебряный Меч от Горных Мастеров, носителей древнего боевого искусства. – Дело в том, Саша, что меня привел к тебе ряд вопросов. Ты нес службу на Рогнаре?

Я содрогнулся. Меньше всего мне хотелось вспоминать этот проклятый Рогнар. Планета, населенная хомо, которых

Айорс семь тысяч лет назад импортировали с Земли с целью колонизации. Айорс довольно быстро сгнули, а Рогнар-то остался. И люди, там живущие, до одури похожи на землян конца XX века. Со своими бзиками, естественно.

– Да, – ответил я. – Я попал на Рогнар сразу после Академии и нес службу в миссии в течение трех лет.

– А потом подал рапорт о переводе... Почему же?

Я вспомнил серые глаза Рене... в сознании мелькнули клубы дыма, тени бомбардировщиков, столбы пламени. Подвал владения Креси. Евнух Люн с пыточными щипцам в пухлой ладони. Дрожь излучателя в моих руках. Тьма. Боль. И – шепот Рене: «Ты – это все, что у меня есть. Ты – это весь мир».

– У меня были личные причины, – мрачно произнес я. – Могу я закурить?

– Разумеется. Кури.

Танк прошелся по комнате, глотнул вина и в упор глянул мне в глаза. Взгляд его не был недобрым, нет, скорее пытающимся понять.

– У тебя был конфликт с резидентом миссии, – он не спрашивал, скорее констатировал факт, – и с тех пор ты немного засиделся в первых лейтенантах, хотя тебе давно пора быть если не майором, так хотя бы капитаном. А между тем Аверина считает тебя одним из лучших ксенологов-аналитиков. Я думаю, сложившееся положение надо менять. Мы летим на Рогнар.

– Я? С вами?!

– Ну да, – усмехнулся Танк. – В роли доверенного помощника. Не волнуйся, я тебя в обиду не дам. Чихать я хотел на резидента Экарта. Дело, увы, весьма серьезное.

Я поднял голову.

– На Рогнаре пропал мой друг, старший офицер российской СБ Яур Доридоттир. Я не верю, что он мертв. Положить человека, чей род насчитывает тридцать поколений воинов, не так-то просто. Доридоттир – Мастер Боя, причем Мастер наследственный. Это не шутки. Найти его – для меня вопрос чести. Моя проблема заключается в том, что на Рогнаре я ни разу не был. Аверина порекомендовала тебя.

Я опустил глаза.

– Черт... Честно говоря, у меня нет ни малейшего желания возвращаться на Рогнар, полковник. Слишком уж тяжкие воспоминания. И не из-за этого Экарта, нет.

– Ты можешь рассказать мне, – он опять-таки не настаивал. – Перед тобой Младший Мастер... говори.

Я и не пытался сопротивляться. Я знал, что такие, как он, могут убивать взглядом. Любой заклинатель змей – младенец рядом с Горным Мастером. Эти-то не кобр гипнотизировали, а динозавров... Я сразу ощутил теплую волну сочувствия... мне стало легче, и я начал вспоминать. Хотя я это не забывал. Ни на минуту. Я тогда уже не был мальчишкой. Рогнар – веселое место, и за два года я стал заправским мужчиной. В Либене, где находилась миссия, вспыхнула война.

Наследные бароны – сюзиты – встали друг против друга в адской кутерьме, в кровавой схватке, начавшейся из-за какой-то чепухи. В руках сюзитов было сельское хозяйство, в руках свободных городов – промышленность. Города, впрочем, не вмешивались. Экарт тоже, хотя следовало бы. Через пару месяцев все это дело слегка поутихло. Я мотался по владениям сюзитов, пытаясь выяснить обстановку. Кажется, они копили силы для второго акта этой комедии. А пока с полей убирали обгорелые туши сбитых самолетов и сожженных танков... и я встретил Рене.

Рене была младшей дочерью барона Креси, на весь Либен прославившегося своим религиозным рвением. Сюзиты в отличие от урбанистов-горожан вообще весьма религиозны, но Креси их всех переплюнул. На Рогнаре весьма обширный пантеон, а род Креси традиционно поклонялся самому мрачному божеству – Раги. Культ Раги жесток, и в нем приняты самые разнообразные жертвоприношения вплоть до человеческих. Трое старших дочерей Креси уже умерли на алтаре, и на очереди была Рене.

Я, конечно, всего этого не знал. В Креси меня встретил сам сюзит в компании трех старших жен и своего духовника, по совместительству – главного внуха. Креси ни с кем не воевал. Ему было плевать на все эти разборки, ибо к своим пятидесяти годам он свихнулся окончательно и почти все время проводил в молельне, общаясь с Раги.

Креси говорил со мной недолго. Собственно, говорить

нам было не о чем. Я выяснил, что в распри он влезать не собирается, и удалился.

На выезде мой транспортер едва не переехал шестиколесный скоростной автомобиль с тепловым мотором – таким увлекалась городская молодежь. Я гнал на хорошей скорости, и когда эта белая жестянка выскочила из-за рощицы мне навстречу, пришлось на полном ходу соскочить с дороги в канаву и заклинить трансмиссию, чтобы не размесить гусеницами зеленое от посевов поле.

Для танка-транспортера прыжки по оврагам на высокой скорости – сущая ерунда, он для этого и создан, но я все же здорово психанул и с матом выбрался наружу.

Под бронированным бортом стояла миниатюрная девочка лет тринадцати и в ужасе хлопала огромными серыми глазами.

– Свет неба, – поздоровался я, – офицер имперской армии Алекс Королев. А вы...

– Я... я дочь владетеля Креси, – прошептала она, разглядывая мой черный мундир, – Рене...

– Вам следует ездить более осторожно, – заметил я, – я едва не раздавил вас.

– Зря вы это сделали, – вдруг твердым голосом заявила она.

– Не понял? Зря я свернул?

– Да.

Она прислонилась спиной к пыльному борту транспорта и с некоторым восхищением оглядела меня.

– Послушайте, – небрежно начала она, – эта ваша штука умеет летать?

– Летать? Танк? – изумился я. – Разумеется, нет.

– Но у вас есть самолеты, я знаю.

– Разумеется...

– Послушайте, офицер, доставьте меня за пределы Либена. Куда угодно. Я вам хорошо заплачу.

Я оторопел.

– Но вы можете это сделать сама...

– Нет, – она сжала губы. – Не могу. Сама не могу. Поэтому я прошу вас.

Я закурил. Положение было интересное, девочка симпатичная, а главное – я подышал от скуки.

– Хозяйка, – сказал я, – но я офицер безопасности, а не транспортная контора. Что у вас случилось? Расскажите мне, я человек посторонний и никому вас не выдам.

Она испытующе поглядела мне в глаза.

– Мой папочка собирается спровадить меня туда же, куда и всех моих сестер – на алтарь Раги.

Я немного оторопел. Смерть на алтаре Раги – дело долгое и адски мучительное. Я смотрел на этого светловолосого ребенка, и с каждой минутой во мне нарастало желание посадить ее в рубку и рвануть через горы к границе Либена. Тот факт, что она предназначена в жертву, известен всем,

и покинуть страну законным способом она не сможет. Достать поддельные документы, очевидно, тоже. Здесь это не так просто.

– Ты пробовала удрать? – наобум спросил я.

Она кивнула и поморщилась. Девочка стояла, чуть покусывая губы, и вопросительно смотрела на меня. От этого взгляда мне становилось слегка не по себе.

– Я не могу просто так выкрасть тебя, – сказал я. – Будет скандал. Нужно что-то придумать. Либен слишком мал, и ты не можешь просто исчезнуть. Жрецы Раги – они кругом, ты сама знаешь. Когда это... должно произойти?

– Когда угодно, но, наверное, скоро. Хоть завтра.

Я перекусил сигарету пополам. Она опустила голову и вдруг уткнулась лбом в борт транспортера. Плечи ее задрожали.

– Сколько тебе лет? – глухо спросила она.

– Девятнадцать, – ответил я.

– А мне четырнадцать...

Мне надо было влезть в рубку и поехать дальше. Это было бы самое мудрое решение. Но я этого не сделал. Я подошел к ней, стянул с рук перчатки и обнял ее. Она развернулась в моих руках, уткнулась носом в карман френча и тихо заплакала. Очевидно, у нее уже не было сил давить в себе отчаяние.

Я посадил ее в машину, и мы расстались... А через две недели, устав от боли и бессилия, я поехал в Креси. Сюзит

отлучился в столицу, а где была Рене – никто не знал. Я нашел ее на берегу озера, в глухом и безлюдном месте.

Едва увидев меня, она бросилась навстречу... этого я не ожидал. Мы долго сидели у воды, и она говорила с такой откровенностью, что я временами терялся.

А потом мы лежали на траве, среди разбросанных впопыхах моих сапог, галифе, галстука, и она шептала, прижимаясь ко мне острой девичьей грудью: «Ты – это все, что у меня есть...»

Два месяца я встречался с ней на берегу этого озера... И однажды она не приехала.

Я мчался в поместье, не разбирая дороги. И я успел бы, но Креси умудрился с кем-то поругаться на религиозной почве... Три бомбардировщика нависли над поместьем в тот момент, когда евнух Люн упал перед алтарем, обливаясь кровью, сваленный очередью моего «скорпиона». А потом рухнула, вздувшись пламенем, кровля – и начался ад.

Я не помнил, как добрался до миссии. Вся рубка была залита моей кровью. Впрочем, мне было плевать.

Когда я пришел в себя, на меня накинулся Экарт. Он обвинял меня во всех смертных грехах от вмешательства во внутренние дела Либена до государственной измены.

Я не мог дальше оставаться на Рогнаре.

Детеринг улыбнулся.

– Воин, в чьем сердце не живет женщина, не может быть сильным, – сказал он, снова наливая мне вина. – Но ты совер-

шил множество ошибок. Ты был слаб и не верил в свою силу. Ты должен был сразу забрать ее и написать рапорт. Экарт ничего не смог бы сделать. Но ладно... пережитая боль делает воина сильным. Я научу тебя, как поверить в свою силу. Когда ты постигнешь это, для тебя не будет преград...

– Когда мы вылетаем, полковник? – поинтересовался я.

– Вылетаем послезавтра... ориентировку получишь от меня в устной форме во время полета. Докладывать никому не надо. С сегодняшнего дня ты числишься в операции. Так что получи задаток, как положено, и послезавтра сбор на базе «Абету» при полном снаряжении.

Глава 2

Груз на борту

Горел бы он синим пламенем, этот Рогнар... Эта мысль вперемежку с мыслями о Рене крутилась в моей голове всю дорогу до Дезерт-Плейс. А конец был немаленький: рейсовый фотоплан, гнусно подвывая двигателями, трясся в воздухе почти час.

Когда я вышел из помещения аэровокзала, часы показывали 14.40. До базы было от силы полчаса езды, поэтому я не спеша прогулялся вдоль аллеи возле вокзальных комплексов, потом погрузился в автотакси, набрал адрес.

Развалившись на сиденье, я расстегнул верхнюю кнопку кителя и ослабил портупею. В таком виде я и предстал перед дежурным сержантом на главном КПП. Нехилого вида дядька в ослепительно белой рубашке и шортах мельком глянул в удостоверение, отдал честь и буркнул куда-то в сторону:

– Вас ждут на восьмом пандусе.

Где находились стартовые боксы восьмого пандуса, я знал прекрасно. От КПП их отделяло километров сорок. Выйдя из стеклянного помещения, я принялся за поиски внутреннего транспорта. Как и следовало ожидать, таковой отсутствовал наглухо. Я уже собирался возвращаться в эту прозрачную будку, чтобы связаться с дежурным диспетчером,

как вдруг рядом со мной, словно из воздуха, материализовался колесный транспортер открытого типа. За рулем сидела премилая девчужка в погонах флотского лейтенанта.

– А я вас жду, – проворковала она, – садитесь.

Я уже давно ничему не удивляюсь. Мне удивляться не положено по чину – для этого существуют начальники. А раздолбай, который к двадцати шести годам дослужился до первого «литера», тогда как все его однокашники в майорах ходят, должен быть невозмутим, как Будда. Такова уж моя ублюжьбя доля – ни кола ни двора и по два креста на погон.

Так что я безропотно забросил в джип свой кофр и уронил обтянутую черным галифе задницу на кожаное сиденье. И началась гонка.

Восемнадцатилетняя красотка жарила так, что всю дорогу я одной рукой держался за рукоятку на панели, а второй придерживал фуражку.

Когда мои глаза выплакали годовой запас слез от таранящего их горячего воздуха, мы влетели в боксы восьмого пандуса, пропетляли в лабиринтах стартового сектора и замерли наконец под полированным бортом легкого транспортника класса «Ройял Кэмел». На моих часах было 15.45.

Меня удивила одна вещь: трюмные люки «Кэмела» были совмещены в один, словно эта пузатая жаба была предназначена для того, чтобы нести что-то ну очень громоздкое, что-то такое, что обычно носит минимум линкор. Что же? Обычный танк или даже катер типа «TR-90» поместятся в

одном или пусть даже двух его трюмах. Но зачем делать из трех один, нарушая этим прочностные константы корпуса? Мои размышления были прерваны появлением шикарного открытого «Ориента» модели «Трайстар». За рулем сидела рыжеволосая красавица, а рядом мой дорогой шеф. Когда он, поцеловав почему-то не в губы, а в щечку своего дорогого шофера, вылез из машины, я аж зажмурился. Полковник Детеринг был весь в белом, как невеста, – белая рубашка, белые галифе и высокие белые сапоги. Я за всю жизнь эту форму надевал раза два – она у меня валяется где-то в глубине шкафа. Но полковник выглядел в ней шикарно. Его темные густые волосы тяжелыми волнами струились по плечам, на лице застыла наглая ухмылка. Ну просто герой кинобоевика.

– Приветствую, – протянул он руку.

– Это ваша жена? – кивнул я головой в сторону удаляющегося «Ориента».

– Жена? – удивился он. – А... нет, что ты. Это моя дочь. Уже двадцать лет, а в голове одни машины да секс... идем.

«Двадцать лет, – подумал я. – Черт, а ему ж сколько? Тридцать лет максимум... больше никогда бы не дал». В белой форме он выглядел не старше меня.

Девчушка, которая довезла меня от КПП, двинулась вперед по трапу. Детеринг последовал за ней, я замыкал процессию, волоча свой кофр.

За порогом настежь распахнутой шлюз-камеры нас встретил коренастый тип в синем комбезе с погонями майора. На

его плече вместо флотской звездочки переливался крылатый череп – эмблема родной СБ, из чего я сделал вывод, что корабль принадлежит не флоту, а транспортной системе СБ.

– Майор Роитнхольд Хесс, – держа руку у виска, четко отрекомендовался он и добавил: – Командир борта...

Танк, к изумлению моему, вдруг вытянулся в струнку, звонко клацнул высокими каблуками белых ботфортов, рука взлетела к сверкающей золотом кокарды пилотке:

– Полковник Йорг Детеринг, ваш командир.

Мне, соответственно, ничего другого не оставалось, как вытянуться во фронт и доложить согласно уставу. Вот уж не подумал бы, что Танк – такой строевик. Надо же!

– Насколько мне известно, – со сдержанной вежливостью начал Хесс, когда мы зашагали по коридору, – вы имеете квалификацию мастер-пилота?..

– 243 боевых вылета в составе крыла «Тонрег» русского командования, – быстро ответил Детеринг. – Формальности приема управления?

– Нет, – улыбнулся Хесс, – первый пилот борта – майор Детлеф Рокар, мастер-пилот, 394 вылета.

– Рокар? – вслух удивился Танк. – Детлеф Рокар?

– Да, – в голосе Хесса скользнуло ответное удивление. – Вы его знаете?

Детеринг неопределенно покрутил рукой, и я вдруг поймал себя на мысли, что это чисто русский жест...

– Когда-то...

Мы вышли на жилую палубу.

– В хибернатор ложиться не будем, – объявил Детеринг, прежде чем отпустить меня.

Я ввалился в свою одноместную каюту, с удивлением найдя ее на уровне фрегатного люкса. Поставив в шкаф кофр, я снял с плеча объемистую сумку и первым делом переоделся в удобный черный комбинезон, не отягощенный нашивками и эполетами – мои плечи украшали лишь легкие, поблескивающие золотом погоны да неизменный крылатый череп жемчужно искрился на правом рукаве.

Я рухнул в кресло. Если честно, то Танк круто ошибся в выборе напарника. По сравнению с ним опыта у меня ровно ноль. Две боевые операции и масса штабной работы. Да, конечно, я тренированный рейнджер – двенадцать лет Академии из кого хочешь сделают убийцу экстра-класса, но... Конечно, кто знает, какая задача стоит перед нами? Это не Альдарен, но и не курорт. Рогнар – планета со своим вывихом: вполне цивилизованный Либен и угрюмый Фариер, тоталитарная диктатура мрачной религиозной секты Фар, вынашивающей планы завоевания планеты. Или снежные пустыни княжества Ягур, так и оставшегося в средневековье. Но все же, все же... Все же лучше бы мы летели хоть на Альдарен, хоть к черту в зубы. Ибо на Рогнаре я всю дорогу буду жить памятью о Рене. Интересно, почему я все-таки не женился? Ведь вроде не пентюх и не урод, скорее напротив – многие женщины находят меня изящным красавцем. Да и с

финансами все в порядке – Служба щедро оплачивает своих офицеров. В чем же дело? Наверное, все эти годы Рене жила во мне...

* * *

Несмотря на то, что питались мы вместе по пассажирскому наряду, то есть на час позже экипажа, и ужинал, и завтракал я в гордом одиночестве – мой дорогой шеф не считал нужным обременять себя пищей. А может, он медитировал над рунами, в соответствии с древними традициями, ища в них указания к действию, – кто знает? Я уже убедился в том, что Танк скорее росс, чем хомо. Не удивлюсь, если он вскорости придет к необходимости имплантировать себе верхние клыки строго соответствующей длины по образу и подобию русского древнего аристократа. Предки россов – ночные хищники, и хотя они сами весьма похожи на нас и внешне, и психологически, гены все же дают о себе знать. Росс невероятно древен. Первые цивилизации на Россе появились тогда, когда хомо еще обитали в пещерах. А потом – тысячелетия войн. Бесконечная, изматывающая бойня, породившая массу воинственных и по-своему благородных традиций. Благородных, ибо россы еще и раса поэтов. Основные их языки – иэури и кафарэ – невероятно сложны для хомо в силу изобилия идиом и ассоциативных полутонов. Фразу «Я хочу есть» на иэури можно произнести в сорока вариантах, и все будут

иметь в чем-то разнящееся значение. А уж прочувствовать весь смысловой ряд, скрытый в хитросплетении рун, змеящихся по голубому металлу древнего клинка, – извините... Незадолго до вылета, выудив из своего терминала последнюю информацию, я с оторопью выяснил, что Танк является Почетным доктором Имперской Академии Ксенологии. Вот тебе и рейнджер, однако!.. Для меня, ксенолога-аналитика, все эти древние ритуалы, пронизанные сотнями непонятных хомо интонаций, сумеречных ассоциативных рядов, – дверь за семью замками. Ибо у россов поединок – это тоже ритуал. А поединок – это жизнь. Когда они вырвались в космос, они уже достаточно поумнели, иначе моментально завоевали бы всю Галактику. К тому же они слабоваты в машинерии. На Россе маловато людей, предрасположенных к технике. Хотя и у них есть гениальные инженеры, ведь недаром их технологии в области материаловедения, ведущие свой корень от оружейников седой старины, вызвали шок у наших при первых контактах. Они многое позаимствовали у нас, мы – у них. К примеру, мимикрирующая ткань моего снаряжения, так же как биоброня, – разработки Росса. Еще сотни лет назад их мастера научились создавать состав, полностью копирующий свойства хамелеоновой шкуры. Но зато «мозг», который находится в моем шлеме и управляет всей этой ерундой, и отдельная АСУ в поясе могли быть созданы только в Империи. В области прикладной математики и промышленной физики мы впереди всех. Лидданы, к примеру, сильны

в области высоких энергий и вообще иррегулярных математик, но их коммутативные мыслящие системы смешны рядом с нашими...

После завтрака я решил все же таки проверить: а что, собственно, покоится в нашем трюме? С этой мыслью я двинулся вниз, в толстое лягушачье брюхо «Кэмела». Миновав генераторные отсеки, я вошел в узкий коридор нижней палубы и лицом к лицу столкнулся со вчерашней своей провожатой.

– Э-ээ, лейтенант, – обратился я, – вы не знаете, как найти суперкарго борта? Дело в том, что мне хотелось бы осмотреть несомый бортом груз...

– Конечно, – улыбнулась она. – Он ведь ваш, верно? А суперкарго – это я. Идемте, я проведу вас.

Представиться она, очевидно, не сочла нужным. Мы двинулись по коридору и через десяток метров встали у массивной бронедвери. Повинуясь нажатию сенсора, дверь ухнула вниз. Мы шагнули в трюм. Вспыхнул свет, и я слегка обалдел.

«TR-160» «Тандерберд»! Я видел его только на экране, это невероятное порождение фирмы «Кент», настолько сложное, что их всего выпустили около десятка – для Империи и для Росса. Так вот зачем понадобилось переделывать трюм!

«TR-160» мог унести только десантный суперкорабль – именно его отсека хватило бы, чтобы вместить это смертоносное чудовище. Катер был огромен – я знал, что в его

транспортной деке покоится ТТТ – тяжелый танк-транспортёр, – и изумительно красив в своей хищной всепоглощающей мощи. Длиной метров в шестьдесят, шириной в сорок, он походил на чудовищного ската, лишь огромные плавники двух атмосферных килей нарушали целостность ассоциации. «TR-160» не был десантным катером, да и не нужны десанникам такие монстры. Нет, его делали специально для рейнджеров, и он, как я знал, обладал огромными возможностями. Он мог действовать в широчайшем спектре атмосфер, садиться где угодно, взлетать из-под воды, мимикрировать и обеспечивать экипажу высшую степень защиты от внешних условий и целого ряда вооружений вплоть до противокорабельной ракеты. Мощнейшие моторы легко могли вынести его из любой бури и разогнать до колоссальной скорости. Атмосферные возмущения влияли на него не больше, чем на линкор. Да, собственно, это и был мини-линкор, предназначенный для действия не только в космосе, но и в различных атмосферах. Что касается вооружения, то парочка «Тандербердов» могла сжечь и обратить в радиоактивный пепел весь Либен.

С чувством легкого ошизения я вернулся в каюту. Не успел лечь на диван, как запищал интерком. Шеф вызывал к себе.

Войдя в его каюту, я застал там самого, облаченного в синий халат, в компании невысокого, худого как щепка, человека в комбезе с погонями майора.

– Майор Детлеф Рокар, – представил его Танк, – мой старый... соратник. Садись...

Я уселся на бархатный диван. Детеринг протянул мне пластиковую упаковку пива и ухмыльнулся.

– Итак, – начал он, – приступим. Наша задача – отыскать русского офицера Яура Доридоттира, исчезнувшего на Рогнаре. Последнее сообщение от него пришло месяц назад. Предположение о его гибели я исключаю. Вывод – он находится в плену в чьих-то руках и не в состоянии позвать на помощь. Отсюда – вопрос к тебе: какие силы на планете могут быть заинтересованы в приобретении могучего воина?

– Фариер, – не раздумывая ответил я. – Но каким образом можно использовать воина без его согласия?

– Возможна сделка, – шевельнул плечами Танк. – Скажем, он какое-то время готовит их силы, а они по истечении этого срока доставляют его в миссию. А вообще-то, если честно, вся эта фишка имеет кой-какой дурной запашок.

– Не понял.

Детеринг усмехнулся и раскупорил зубами новый пакет пива.

– Дело в том, что Доридоттир полетел на Рогнар не на прогулку. Не так давно возникло подозрение, что к планете кто-то проявляет повышенный интерес: то ли леггах, то ли какие-то пираты. А благодаря Экарту Рогнар превратился в проходной двор – туда теоретически может сесть любой корабль, так как Экарт почти не ведет слежения за системой.

– Для меня ясно одно, – сказал я. – Фариер упорно готовится к широкомасштабной войне с целью установления тотального контроля над большей частью планеты.

– Все-таки странно, – неожиданно подал голос Рокар, – почему Яур молчит. Неужели им удалось его положить?

Детеринг покачал головой.

– Но он не искал в Фариере. Он начал поиски в горах Ягура. Но какого рожна? Все это достаточно странно.

Он потер узкий подбородок и посмотрел на пилота.

– Что могло задержать его на планете?

– Я могу представить себе следующую ситуацию, – задумчиво произнес Рокар. – Кто-то намерен захватить планету изнутри чужими руками. Яур же пытается противостоять этому. В известной степени этим объясняется его молчание.

– Да, – кивнул Детеринг, – в известной степени, это точно... Он не может привлечь организованные внешние силы – это будет называться вмешательством, особенно в случае отсутствия прямых доказательств... А такое может быть. Скажем, у кого-то появилась партия современного вооружения – а откуда? Все это так – улики... Наши козлы-пацифисты тотчас поднимут вой о вмешательстве в дела гуманоидной расы, а? И он ждет, что рано или поздно кто-то из его ахуров придет на зов...

Ахур – понятие весьма емкое. Его можно расшифровать как «младший брат», «соратник, защищающий спину», а дословно – «побратим короткого меча». В случае, если ясаи –

то есть старший побратим – попадает в беду, его ахур, тот, кто в данный момент находится к нему ближе всех, приходит на помощь. Если его постигает неудача, наступает очередь следующего. Ясаи, в свой черед, служит наставником своим ахурам и в случае необходимости отвечает за защиту любого из них. Это древнейшая русская традиция, имеющая некоторое распространение и поныне, правда, в чисто ритуальном смысле. Детеринг, однако же, относился к ритуалам с серьезностью древнего рыцаря.

– Ты можешь оказаться в сложной ситуации, – тревожно проронил Рокар.

Детеринг кивнул.

– Сложной – да, но не критической. Доридоттир шел в разведку и был готов к ней. Я иду в бой и готов к бою.

Он выпрямился в кресле.

– Я готов принять любой поединок!

Рокар блеснул глазами.

– Мне жаль, что я не могу быть с тобой.

Детеринг взмахнул своей роскошной гривой и улыбнулся.

– Ты будешь рядом – этого достаточно...

Глава 3

Сарабанда в ночи

Трюмные щиты исчезли в полостях бронированного брюха «Кэмела». Детеринг захлопнул забрало шлема и качнул рукой штурвал. Серая махина «Тандерберда» поднялась над полом и медленно выползла в пустоту.

Взревели моторы, и мы нырнули в голубоватое марево атмосферы. Катер шел по спирали, приближаясь к линии терминатора, чтобы опуститься в Фариере ночью.

Детеринг не говорил ни слова. Его длинные ладони, затянутые в черные бронированные перчатки, почти расслабленно лежали на штурвале.

Проклятье! Как я не хотел сюда лететь! Здесь каждый камень будет напоминать мне события шестилетней давности. И сейчас, глядя на плывущую по экранам картину безлюдных горных цепей востока Фариера, я изо всех сил пытался отогнать назойливо лезущие в голову воспоминания.

– Внимание, – голос Детеринга, холодный как лед, хлестнул по нервам, – лагерь Мокуб – мы верно идем?

Я глянул на пылающую карту местности.

– Да, Танк... По крайней мере, шесть лет назад он был именно здесь, у поворота реки Эр.

Детеринг промолчал; тонкие руки уверенно вывернули

штурвал, и катер лег на иной курс – мы пошли по дуге, заходя к лагерю с северо-востока. На экране мелькнула залитая светом двух спутников Рогнара холмистая лесостепь, сменившаяся унылым пейзажем необъятных заболоченных озер.

Глухо фыркнули двигатели: «Тандерберд», резко сбросив скорость, пошел на снижение. Под плоским брюхом поплыли тускло поблескивающие в неверном свете двух лун мертвые зеркала болот, перемежающиеся поросшими кустарником островками.

Над одной из таких проплешин Детеринг и вывесил машину катера. Раздался хлопок: это «выстрелили» из его днища мощные опоры шасси, и «TR-160» мягко опустился на сырую почву. Танк снял руки со штурвала, отщелкнул замок привязных ремней и выбрался из кресла.

– Ну, пошли, – сказал он. – Вылазь наружу.

Я отвалил тонкую плиту атмосферного створа. Когда шипение торсионов утихло, в кабину ворвалась нудная песня осеннего ветра, сумрачный шум кустарника, всплески воды, потустороннее уханье какого-то ночного жителя этих мрачных мест – во всех этих звуках, переплетающихся в пугающе чужеродную гамму, было что-то нереальное, что-то от ночного кошмара.

В транспортном доке взрыкнул танк. Я передернул плечами, понимая, что ждать дальше нечего, и прыгнул вниз. Изогнутая плита двери, издав змеиное шипение, со смачным

чмоком опустилась, отрезая пути к отступлению.

Я огляделся и на всякий случай вынул из набедренных петель свой «эйхлер», способный испепелить слона, если в том возникнет нужда. Окрестности были залиты мертвящим бледным светом: Фофаг стоял совсем низко над горизонтом, но Лассиг еще висел почти в зените, здоровенное щербатое блюдо гнойно-желтого цвета.

Со стороны кормы раздалось негромкое басовитое жужжание, захлопала сырость под широкими стальными траками, и неожиданно на меня надвинулась едва различимая в призрачном полумраке громадина танка. Я нырнул в распахнутый люк ходовой рубки и не успел усесться в правом кресле, как гусеничный монстр качнулся и упруго прыгнул вперед. Семидесятитонная громада, глухо взрыкивая двумя двигателями, взметая фонтаны брызг из-под гусениц, мчалась по болоту, то взлетая носом вверх на кочках, то глубоко проваливаясь в топких озерцах зловонной жижи. Меня мотало, как на качелях, изображение на экране то и дело прыгало, но Детеринг совершенно не обращал внимания на подобные мелочи. Он сидел с открытым забралом шлема и внимательно вглядывался в экран сонарной графики, на котором вырисовывался далекий еще берег реки Эр. Минут через десять мы выскочили из болот, теперь под гусеницы бронированного хищника летела сырая от осенних дождей плоская степь, поросшая высокой желтеющей травой. Шеф увеличил скорость: мы мчались около 160 км в час, мелко подраги-

вая от неровностей почвы. Детеринг переключил сонарку: на экране вспыхнула карта местности и на ней – быстро ползущая яркая точка, наш транспортер. Честно говоря, сама идея – пробраться в лагерь Мокуб и захватить кого-либо из старших офицеров для допроса – мне не очень-то нравилась. Мокуб – это один из крупнейших учебных центров Фарьерской армии, здесь идет подготовка монахов-рекрутов. Уровень ее весьма далек от идеала, но монахи в основном фанатики, смерть для них – высшее счастье, и дерутся они яростно. Все это я объяснил Детерингу за два дня до высадки, когда мы разрабатывали план наших первичных действий. Шеф лишь скептически усмехнулся. Сейчас, глядя на его спокойное лицо, на поджарую фигуру в полном снаряжении, я начал чувствовать, как ощущение непробиваемой уверенности, излучаемое его обманчиво расслабленным обликом, передается мне.

Мы тем временем выскочили к пологому берегу могучей реки Эр. Влекомые стремительным течением, ее воды мчались на восток, сверкая в свете двух лун. Детеринг остановил танк, затем осторожно придавил акселератор и тихо, почти без всплесков ввел машину в воду. В корме хрипло заговорили мощные водометы. Многотонная туша танка стремительно двинулась вперед, рассекая волны хищным бронированным носом.

Через пару минут транспортер выбрался на противоположный берег, победно взревел моторами и начал подни-

маться по довольно крутому склону, выбрасывая из-под траков фонтаны жидкой грязи. Я в очередной раз изумился невероятной мощи нашего ТТТ – семьдесят тонн брони, металла и пластика легко двигались по подъему, на котором увяз бы любой здешний вездеход весом в тонну. Всесокрушающая мощь имперской техники всегда приводила меня в состояние благоговейного трепета. Собственно говоря, именно высокий уровень машинерии и помог нам добиться прочного положения в Галактике. Он да еще и полнейшее презрение к смерти...

Танк выбрался на равнину, и перед нашими глазами предстала картина лагеря Мокуб. До колючих проволочных спиралей было километра два. Дальше, за ними, простирались унылые ряды спящих одноэтажных барачков, решетчатые башенки караульных постов, сооружения учебных площадок...

Детеринг хмыкнул и выключил двигатели.

– Вперед, – скомандовал он, – только не вздумай стрелять.

Я выпрыгнул наружу. Следом за мной на землю упруго, без единого шороха, приземлилось сухое тело Танка. Он едва заметно шевельнул плечом и легко побежал в сторону лагеря. Снаряжение мимикрировало, и уже в двух шагах контуры его фигуры были совершенно неразличимы – лишь едва заметное движущееся темное пятно.

Он мчался на приличной скорости, не прилагая к этому никаких усилий и совершенно бесшумно. Я несся следом с

мыслью о том, что моя физподготовка находится далеко не на желаемом уровне.

В пяти шагах от колючки мы остановились. Детеринг попробовал, как ходит в ножнах висящий за спиной древний российский клинок, пригнулся и каким-то невероятным способом просочился сквозь витки колючей спирали. Я озадаченно последовал за ним и тотчас же увяз.

– Спокойней, – услышал я в шлеме его ироничный голос. – Разведи ее руками.

С третьей попытки я освободился из плена и, проклиная все на свете, выбрался на свободу.

– Идем, – сказал шеф. – Кажется, я заметил офицерский барак.

Мягко, словно кошка, он двинулся вперед. Обогнув два ряда казарм, мы вышли к довольно приятному двухэтажному строению. Детеринг хмыкнул: возле освещенного плафона входа сонно переговаривались двое часовых в желтых балахонах. Они стояли спиной к нам, но нас разделяло метров пять.

– Твой правый, – едва слышно проскрипел Танк. – Пошел.

Я вылетел из-за угла как ракета, но он оказался еще быстрее – пока я успел в прыжке дотянуться до парня левой ногой, рядом со мной пронзительной вспышкой блеснула голубоватая молния длинного клинка, и фигура в желтом оказалась разрублена от горла до паха – и все так же абсолютно бесшумно. Мой клиент, получив некий удар в затылок,

со слабым стоном опустился на землю, угодив лицом точно в кучу кишок своего напарника, и затих.

– Здесь, – коротко приказал Детеринг, махнув рукой, и исчез в дверях, по-прежнему сжимая в правой руке меч.

Я уже научился понимать его без лишних слов, и потому безропотно остался караулить вход. Шеф появился меньше чем через минуту, толкая перед собой худощавого мужчину в розовой хламиде. Мужчина мотал головой, едва слышно мычал и дико вращал глазами. Он был не просто связан, а до пояса опутан, как египетская мумия – Танк оставил ему свободными лишь ноги. Во рту пленника торчал кляп.

Детеринг легонько хлопнул «языка» по загровку, и мы бросились обратно. Однако нам не повезло. В момент пересечения колючки клиент истерически замычал. Шеф, конечно же, тотчас успокоил его легким ударом по затылку, но вопль худощавого был услышан. На ближайшей к нам вышке вспыхнул прожектор и со второго прохода нащупал нас. Детеринг с пленным офицером были уже на той стороне, а я опять увяз.

Прожектор, естественно, горел очень недолго – очередь из «эйхлера» снесла и его, и вышку. Но с соседних разом заговорили пулеметы. Оглянувшись, я увидел, как Детеринг с грузом на спине стремительно тает во тьме. Пулеметы тем временем пристрелялись, и вокруг меня зачмокали пули.

Я рывками выбрался из колючки и выстрелил «лампу», чтобы дезориентировать этих идиотов. Ракета взлетела мет-

ров на сорок и начала опускаться, заливая окрестности своим нестерпимо ярким голубым светом, а я вжался в землю и принялся методично сбивать пулеметные вышки. Курятники с пулеметами картинно разлетались в клочья от моих попаданий. Несмотря на то, что эти горе-вояки изо всех сил лупили в нее, «лампа» продолжала висеть как ни в чем не бывало. Наконец какой-то снайпер ухитрился-таки попасть. Все кругом погрузилось во тьму.

Откуда-то из-за бараков появились мечущиеся желтые фигуры, беспорядочно стреляющие куда попало, но прожекторов они уже не зажигали. Кто-то из пулеметчиков указал роем светящихся пуль мое местонахождение, и после третьего щелчка по шлему я решил, что представление становится интересным. Я откатился в сторону, наблюдая, как волки упражняются в стрельбе по пустому месту, и взял на пушку не в меру ретивого пулеметчика, но ночное шоу было прервано появлением моего дорогого шефа, который вышел на сцену, словно Зевс-громовержец – транспортер истерически плевался чуть не половиной бортового оружия, снося и вышки, и бараки вместе с храбрыми воителями пресветлого Фара. Детеринг, очевидно, настроил баллистический компьютер на полное поражение наземных целей, потому что пушки не просто колбасили куда Бог на душу положит, а деловито елозили в амбразурах, поражая то вышки, то скопления солдат. Я и не думал, что у шефа хватит юмора устроить парням такой сногшибательный – в буквальном смысле, разумеется

– концерт, да еще и с бесплатным приложением в виде легкого фейерверка. Орлы, вероятно, были на гребне экстаза, ведь жрецы с мамкиной сиськи твердили им, что смерть – высшая милость пресветлого, будь он неладен, Фара.

Я нырнул в распахнувшийся люк, и занавес опустился, оставив в зрительном зале гору умочаленных трупов и пару жизнерадостно полыхающих барачков.

Транспортер развернулся и понесся к реке. Я устроился поудобнее в кресле, поминая добрым словом караульные пулеметы – пули у них были размером с сосиску и тело болело от многочисленных попаданий. Не будь на мне брони, от меня осталось бы мокрое место. За моей спиной скрючился все еще бесчувственный пленник.

– Тебе здорово досталось? – поинтересовался Детеринг.

– Ощутимо, – вяло ответил я.

Он хмыкнул.

Прибыв на борт «Тандерберда», я последовал его совету, заглотал капсулу троминала и рухнул на диван в салоне. Шеф растолкал меня около полудня. Троминал подействовал – я чувствовал себя великолепно.

– Подкрепиться мы думаем? – поинтересовался Танк.

Я кивнул и бодро спрыгнул с дивана.

– Тут рядом бродит один пассажир, – сообщил шеф, – на вид он вроде съедобный. А ну глянь – местные его едят?

Я включил круговой обзор и от изумления уронил челюсть. Вместо грязно-серой равнины вокруг нас неровны-

ми призрачными силуэтами торчали белые клыки скал. Ка-тер стоял на крохотной заснеженной площадке, которая с трех сторон была окружена сверкающими на солнце белыми склонами, а с четвертой заканчивалась бездонной пропастью. Пилотское искусство Детеринга казалось невероятным.

Метрах в пяти от правого борта встревоженно нюхал воздух здоровенный валук – крупное всеядное млекопитающее, покрытое косматой белой шерстью. Его заячьи уши настороженно шевелились, прислушиваясь к чуждому этой ледяной стране шипению венчика антенны сонарных систем.

– Ну, насколько я знаю, мясо валука – неплохая вещь, хотя шкура ценится выше, – сказал я, – а вы что, решили поохотиться?

Детеринг окинул меня быстрым взглядом.

– Ты думаешь, приятно жрать дерьмо из боевого рациона? И вообще, ты считаешь, что мы сюда на два дня прилетели? Концентраты надо беречь.

С этими словами он подхватил висевший на спинке кресла меч в ножнах, даже не потрудившись пристроить его на сложное перекрестье ремней перевязи, и исчез в двери десантного дока, чтобы выбраться с левого борта.

Через минуту он появился на экранах. Валук, заметив чужака, прижал свои смешные уши, захрипел и, оскалив пасть, обнажил длинные желтые клыки. Детеринг совершенно беспечно приближался к косматому гиганту, держа в правой ру-

ке голубовато сверкающий клинок с лучеобразными ответвлениями под витиевато исполненной гардой, а в левой – простые тускло-серые ножны. Честно говоря, у меня не хватило бы духу идти на эту громадину с ножиком, пусть и длинным. Но на то я и есть офицер-ксенолог с покорёженным послужным списком, а он – старший офицер среди лучших убийц Галактики. Такие, как он – а их на всю Империю наберется едва взвод, – полковники с трижды генеральской властью и привилегиями. Звание для них не имеет значения. Они могут все или почти все. Один такой полковник стоит целого планетарно-десантного корпуса, хотя там тоже мальчишки неслабые. И там тоже есть штурмовые легионы и отдельные дивизионы полевой разведки. Но дело в том, что группа рейнджеров за несколько часов сможет полностью парализовать все действия этого корпуса, а потом стереть его в порошок. Меня двенадцать лет мучили в Академии оперативных кадров СБ, и я видел, что вытворяют будущие рейнджеры. Нам, конечно, тоже доставалось не кисло. Любой из нас может выдержать многодневный марш в самых невероятных условиях, может разорвать голыми руками сторожевого пса, ни один боксер-профессионал не продержится против любого из нас и минуты, но это все игрушки. Игрушки – по сравнению с тем, что творят рейнджеры. Полевая подготовка идет у них все двенадцать лет, и семнадцатилетний лейтенант – совершенный боевой механизм, готовый к выполнению задачи в любой точке Галактики. Он может дей-

ствовать в абсолютно незнакомых условиях. Его объем знаний кажется невозможным. Он лазит по скалам без альпинистского снаряжения как муха. Он ныряет и плавает, как древний ловец жемчуга. Он стремителен и невидим. Он хитрее любого зверя. Он неуловим и смертоносен. Он способен адаптироваться к любой планете, двенадцать лет его приучали к многократно увеличенной или уменьшенной гравитации и разреженной или, наоборот, слишком густой атмосфере – на пределе возможностей и адаптивных способностей организма, а они у terra homo очень велики.

Совершенный воин не может быть тупым механизмом. Поэтому курс «История Цивилизации» в обобщенном виде тоже идет у них все двенадцать лет. Конечно, их не терзали кошмары в виде общей теории культурных спиралей или развернутого курса гуманоидной психологии. Хотя и они долбили все эти «Введения в аналитическую ксенологию». И знают они по два-три языка как минимум. Но у них была своя задача. У нас – своя. И мы друг другу не завидовали.

Словом – предел возможностей Детеринга находился за пределами моего воображения. Рейнджер, попавший на Росс и ставший Горным Мастером Боя! При соответствующем уровне самомобилизации возможности человеческого организма очень велики. Разумеется, не у всех они одинаковы. И суть вовсе не в колоссальной груде мяса на костях. Скорее наоборот. Стокилограммовый тяжелоатлет никогда не станет рейнджером. Его хватит удар на первом же марше. Дело

совсем не в том, чтобы иметь накачанные мышцы, стрижку ежиком и тяжелую челюсть. Все наши «волки» – субтильные на вид субъекты с длинными роскошными гривами. Длинные волосы – это традиция, но тоже не с потолка взятая – такая шевелюра здорово помогает в жару, когда в вашем шлеме после сто первого попадания выходит из строя термосистема. А полудистрофическое телосложение необходимо для того, чтобы легко мчаться многие часы по джунглям или скакать по деревьям. Рейнджеру нет необходимости сбивать слона с ног ударом кулака. В джунглях крепкие бицепсы ему не помогут. Он должен в совершенстве, на акробатическом уровне, владеть тем, что у него есть. Здоровущий дядя вряд ли сможет бегать по вертикальным стенкам. А уж если он попадет в мир с 2 g или температурой в 50 градусов по Цельсию, то ему сразу конец – он пройдет от силы с десятков километров или помрет от жажды, изойдя потом.

Глава 4

Рыжеволосая аристократка

Сыто отрыгнув, Детеринг выпихнул за борт остатки нашего завтрака, закрыл дверь атмосферного створа и потянулся к пакету с пивом.

– Сам взлетишь отсюда? – неожиданно спросил он.

– Думаю, что да, – замялся я.

– Взлетай. Хватит пузыри пускать, пора учиться страху Божию. Курс 14 от точки стояния, высоту не набирай. Через полсотни километров начнется плоскогорье, там снизишься и начнешь искать караван – четыре повозки. Этот деятель рассказал о каких-то повстанцах из Ягура, по-моему, это они. Сядешь и потолкуешь с клиентами. У меня такое ощущение, что Яур среди них... больше ему, кажется, быть негде. Повстанцев много... но, может, эти путешественники что-то знают.

– А вы?

– А я посплю. Если что – разбудишь.

Он зевнул, поднялся из кресла и толкнул дверь экипажного салона.

Я закурил, пересел в кресло первого пилота, включил системы управления и ориентации и запустил двигатели. Стараясь не нервничать, осторожно поднял катер с площадки и

на минимальной скорости выполз из ущелья. Черт, надо же было так спрятаться!

Выверив курс, я чуть добавил оборотов и через минуту выскочил из горной цепи. Дальше, насколько хватал глаз, простиралась заснеженная холмистая равнина, кое-где покрытая редкими рощицами вечнозеленых деревьев.

Высота была небольшой, и ни малейшего следа каравана повстанцев я не разглядел. Не прибавляя скорости, я по пологой спирали медленно полез вверх, выдерживая в направлении курсовую ось. Здоровенная машина весом в не одну сотню тонн в управлении была легче, чем миниатюрный «TR-60» на троих человек. Бронированная птица слушалась команд как собственная рука.

Постепенно увеличивая радиус витка, я забрался на четыре километра, и когда мне уже порядком осточертело пялиться в экраны, узрел-таки искомые четыре повозки, ползшие сквозь снега в юго-западном направлении. Стараясь не сильно крениться, я положил «Тандерберд» в снижение и через пару минут прошел у них над головами, взрывая окрестности адским рыком реверсируемых компрессоров. Лохматые легконогие сикары, которые тащили деревянные возки, в испуге шарахнулись в разные стороны, путаясь в упряжи. Светловолосые люди в кожаных комбинезонах спрыгнули на снег и принялись успокаивать животных. Караван остановился. Я посадил катер в сотне метров от головного возка, надел шлем, бросил в петли на правом бедре излучатель,

хлопнул замками перчаток и выбрался наружу.

Рослый дядька в рыжем кожаном комбезе и высоких, отороченных мехом сапогах, очевидно, предводитель, угрожающе поднял крупнокалиберное ружье местного производства. Я не имел желания зарабатывать очередные синяки и заорал во всю мощь своих легких:

– Я пришел с миром! Не стреляй!

Увязая в снегу, я приблизился к каравану. Сикары встревожено захрипели, роняя слюну. Старшой опустил свою пуалку, но глядел все равно подозрительно.

– Свет Неба, – процедил он. – Что нужно, пришелец?

– Я хотел бы потолковать с тобой, – не без труда подбирая нужный глагол, ответил я, – если ты не против.

Он скривился в ухмылке.

– Говори.

– Вы – повстанцы... против захватчиков из Фариера? Они, очевидно, прибрали к рукам ваши южные районы?

– Ты не знаешь? – презрительно спросил он.

– Да, – спокойно ответил я. – Я не знаю. Я знаю только то, что за спиной Фариера стоит внешняя сила. Какая?

Дядька вдруг сник. Он устало потеревил затвор своей хлопущки и поднял глаза:

– Я не могу верить тебе.

– Ты должен понимать, что я могу заставить тебя говорить, – я пожал плечами. – Я могу просто сжечь вас... всех.

Он вскинулся для резкого ответа, но не успел ничего ска-

зять: его люди вдруг дико закричали, указывая на юг.

Я развернулся, на ходу пытаюсь перестроить сканер, но было поздно, да и ни к чему: два неуклюжих трехмоторных аппарата, разрывая морозный воздух истошным ревом пропеллеров, поливали окрестности металлическим ливнем. Вокруг завопили люди, хрипло заржали сикары, во все стороны брызнули фонтанчики снега. Я картинно рухнул на спину, в падении вскидывая ствол «Эйхлера».

Самолеты развернулись с поистине сногшибательной скоростью и на минимальной высоте пошли на второй заход. Бледно-голубая стрела пронзила небо, но выстрелить второй раз я не успел: сильнейший удар в плечо выбил излучатель из моих рук.

Дальше все происходило словно в замедленной съемке. Грохнули взрывы, на мои ноги упало чье-то тело. Самолеты снова ушли в разворот, уж не знаю зачем. И тут ледяная равнина взорвалась разъяренным ревом форсируемых турбин.

«TR-160» взмыл в небо с бешеной скоростью. Самолеты бросились наутек. Но это не имело смысла: Детеринг догнал их в доли секунды и ударил тормозными моторами в тот момент, когда уже казалось, что гигантский скат готов таранить двух стальных птиц. Самолеты исчезли во вспыхнувшей на секунду лавине алого пламени курсовых дюз.

Я поднялся на ноги и огляделся. Кругом все напоминало поле битвы: сикары были мертвы, люди тоже. Рядом с моими ногами лежал труп изящной рыжеволосой девушки. Я по-

морщился, ощупывая грудь, и поднял с земли свой некстати вылетевший из рук «эйхлер».

Неожиданно девушка слабо застонала. Я поспешно встал на колени и внимательно осмотрел ее. Кроме двух порезов, ран не было. Ну еще бы, ведь я почти закрыл ее, когда переворачивался на бок.

Рядом взревели моторы «Тандерберда», брызнула снежная пыль. Рев утих, и из атмосферного створа упруго спрыгнул Детеринг. Он был невероятно раздражен и ругался на пяти языках сразу.

– Что ты там на карачках лазишь? – спросил он, когда слегка успокоился.

– Она жива, – сказал я.

– Жива?

Детеринг нагнулся и пощупал пульс девушки.

– Тащи ее в десантный и приведи в чувство. А я пошел спать! Если прилетят еще какие-то уроды, скажи им, что я зажарю их на медленном огне, пусть только попробуют разбудить меня.

Он распахнул забрало, сплюнул и исчез в рубке. Оттуда донеслась длинная русская фраза, сути которой я не разобрал, поняв лишь, что это был килограмм витиеватых матюгов.

Я тяжело вздохнул и поднял хрупкое тело. У меня в руках девушка вдруг пришла в себя, глянула по сторонам, слабо вскрикнула и обхватила руками мою шею.

– Все будет хорошо, – прошептал я, – потерпи, малыш.

Я втащил ее в десантный дек, распахнул медбокс и извлек плоскую коробку кибердоктора. Затем расстегнул на ней комбез, стащил его до пояса, задрал наверх толстый свитер и прилепил прибор к спине.

– Лежи на животе и не шевелись, – приказал я.

– Мне больно, – кусая губы, простонала она.

Я присел рядом с кожаным диваном и положил руку на рыжий затылок.

– Потерпи, малыш. Сейчас все пройдет.

Кибердок, к моему изумлению, выдал отсутствие внутренних повреждений за исключением длинного ряда ушибов. Засадив в девчонку букет анестезирующих и стимуляторов, он пискнул и отключился.

– Есть хочешь? – спросил я, снимая прибор.

– Пить, – слабо попросила она.

Я ушел в рубку и намешал ей коктейль из оранжа, сока сиу и многокомпонентного питательного пойла. Когда я вернулся, она уже сидела на диване, стянув с себя сапоги и комбез. Моему взору предстала пара прелестных стройных ножек в плотных черных чулках и миниатюрные сиськи, дерзко торчащие под свитером.

– Они все мертвы? – спросила она, вылакав весь стакан.

Я кивнул. Она опустила голову. В серых глазах блеснули слезы.

– Ты уцелела потому, что я закрыл тебя... случайно. Как

тебя зовут?

– Тин. А тебя?

– Саша. – улыбнулся я.

– Са-ша, – по слогам повторила она и смущенно улыбнулась: – Теперь я принадлежу тебе, ведь ты спас меня.

«Неплохо для затравки», – подумал я. Усевшись на противоположный диван, я закурил и задумчиво оглядел свою новую собственность. Она была типичной северянкой и, похоже, благородных кровей – об этом говорили удивительно красивые изящные ладони с длинными нервными пальцами – совсем как у Детеринга. На вид ей было лет девятнадцать, и ее вполне можно было назвать симпатичной, хотя по привычным имперским стандартам у нее были слишком острые черты. Но в Ягуре они все такие.

– Что ты будешь со мной делать? – нарушила она затянувшееся молчание.

В ее глазах не было ни тени страха или сомнения – они улыбались, ее серые миловидные глаза, улыбались доверчиво и чуть смущенно.

– Куда вы ехали? – спросил я.

– Мы везли оружие в замок Рэф, – Тин куснула губу. – Там собралось много людей...

– Рэф... Ну ладно, это мы потом выясним. Я думаю, тебе нужно прилечь... как ты считаешь?

Она боднула головой.

– Я хорошо себя чувствую.

– Ну-ну... Ложись лучше. Если что – я за этой дверью.

Я прошел в рубку, уселся в кресло инженера, откинул его меховую спинку и закрыл глаза. Интересным типом я стал – за переборкой сидит хорошенькая девчонка, а я с умным видом пытаюсь уснуть в рубке.

Собственно, спать мне совершенно не хотелось. Мысли перескакивали с ножек Тин на ироничного Детеринга, наглого и самоуверенного, потом почему-то вспомнилась моя последняя герлфрэнд Элис, вечно отмороженная блондинка, холодная, словно арктическая рыба.

С этими достаточно странными – учитывая обстановку – мыслями я погрузился в легкую дрему. Дрых я недолго, и сон мой был прерван появлением шефа. Полковник выглядел совершенно свежим и подтянутым – вроде и не спал вообще.

– Так, – он щелкнул пальцами, – где эта подруга?

Я выпрыгнул из мохнатых объятий кресла и распахнул дверь десантного дека. Тин спала, свернувшись калачиком на диване. Будить ее не хотелось – уж очень беззащитной она выглядела... к тому же я вообще люблю смотреть на спящих девушек. Но за спиной стоял неумолимый Детеринг – а жаль.

– Тин, – я мягко коснулся ее щеки, – проснись.

Она испуганно вскинулась.

– Пойдем, с тобой хочет поговорить мой командир.

Девушка натянула сапоги и прошла вслед за мной. Детеринг, с небрежной элегантностью развалившийся в кресле

оператора связи, указал ей на развернутое кресло второго пилота. Затем таким же легким взмахом руки включил ментальный транслинг. Вытащил сигарету из левого наплечного кармана, клацнул зажигалкой и пустил струю дыма к потолку.

– Кто вы? – голос прозвучал настолько неожиданно, что девушка вздрогнула.

– Я дочь владельца Схо-Роуер... Тин Рикарда.

На лице полковника не дрогнул ни единый мускул.

– Кто эти люди, и что вы с ними делали?

– Это повстанцы... против владык Фара, которые вторглись в южные области. Мы везли оружие в замок Рэф, там собирается целая армия, чтобы выбить этих фанатиков на южные равнины.

– Вы слышали что-либо о появившемся среди вас могучем воине, пришедшем со звезд?

Тин удивленно глянула на него.

Детеринг выключил транслинг и поднялся из кресла.

– Саша, курс на Рэф. По прибытии доложишь.

Шеф погасил в пепельнице окурок и ушел в салон.

– Что он сказал? – спросила Тин, недоуменно глядя на меня.

– Мы летим в Рэф...

Я сел в кресло первого пилота и принялся ориентироваться по компьютеру. Нас разделяло не меньше двух тысяч километров. Полчаса, если не особенно спешить. Рогнар –

огромная планета, и расстояния здесь соответствующие. Хороший плацдарм... для кого-то. Тем более что гравитация, по непонятным для меня причинам – я никогда не рубил в астрофизике – не превышает 0,95 g.

Отключив терминал, я развернул сиденье Тин к экранам и спросил:

– Вы что, собирались всю дорогу плестись на сикарах?

– Нет. В Сиуце ждал самолет.

Я усмехнулся. Совсем недалеко. Отсюда до Сиуца километров восемьсот по прямой.

Так же, как на всей нашей боевой технике, программатор катера не выполнял стартово-финишных операций. В Империи традиционно не доверяют электронике. Поэтому пришлось поднимать катер до положенных десяти тысяч вручную. Когда он благополучно лег на курс, я повернулся к Тин.

– Может, все-таки поешь?

– С благодарностью... – она смущенно улыбнулась.

Я вытащил из ниши в мягком потолке несколько пакетов, вскрыл один и протянул ей. Девушка с улыбкой посмотрела на меня.

– Расскажи мне о себе, – игриво произнесла она. – Сколько тебе лет? Где ты живешь? У тебя есть свой замок? У тебя есть жена?

– Не все сразу, – рассмеялся я. – Мне двадцать пять лет, я живу на планете, находящейся очень далеко отсюда, я младший офицер. Замка у меня нет. Жены тоже. Что еще?

– А что привело вас сюда? Ведь ваши, кажется, живут в Либене?

– Потом узнаешь. Пока об этом рано говорить.

Она притворно нахмурилась.

– Ну не хочешь, не говори. Ты отвезешь меня к нашим?

– Да, Тин. Расскажи-ка лучше, как ты очутилась среди повстанцев.

Девушка закусила губу и умоляюще посмотрела на меня.

– Ты обязательно хочешь это знать?

Я кивнул.

– Они убили отца, мать, братьев... всех! А сестру принесли в жертву своему Фару...

Тин положила пустой пакет на панель управления и опустила голову.

– Я не знаю, что меня ждет, – глухо проговорила она, – но я должна отомстить, я последняя в роду. Я унаследовала замок, но они сожгли его... ха-ха. Я ношу имя, которое будет забыто, а этому имени семьсот лет. Я осталась одна, у меня нет никого, и никто не будет защищать меня.

Девчушка вдруг вскинула голову и дерзко посмотрела мне в лицо.

– Ты это хотел услышать?

– Неважно... – я закурил и задумчиво оглядел ее. – Скажи, что с тобой делать?

– Что хочешь. – Тин дернула щекой.

– Это не ответ. Мало ли чего я хочу... Чего хочешь ты?

Защиты? Но я не волен в своих поступках. Наши цели в чем-то совпадают, но я обязан выполнять приказы, а моего командира мало интересует твоя история. На планете заваривается адская каша. Если мы не примем мер, мир не скоро придет сюда. Здесь будет битва, гораздо более страшная, чем ты можешь себе вообразить.

Девчонка удивленно воззрилась на меня и чуть прикусила губу.

– Ты хочешь сказать... Но, во имя Неба!.. Я была уверена, что именно вы стоите за спиной Фарьера.

– Ты здорово соображаешь. Естественно, не мы. Впрочем, я могу тебе это очень просто объяснить. Ты хоть чуть-чуть знаешь астрономию?

– Ну... немного.

– Давай посмотрим. Так вот. Рогнар лежит в секторе пространства, – я изобразил это рукой, – как раз в том месте, где наша пограничная оборона наиболее слаба. Наши враги это знают. И если они смогут укрепиться здесь, на этой громадной планете с солидными ресурсами, они получают великолепный плацдарм для атаки. Причем стратегическое положение Рогнара таково, что выбить их отсюда будет очень трудно. Но они не могут с ходу, своими руками захватить целый мир. Множество причин... ты не поймешь. И поэтому они пытаются повернуть ход истории руками Фарьера, а уж потом прибыть сюда во всей красе, как дорогие гости.

Я умолчал о том, что ни мы, ни российская СБ толком не

знают, кто именно затеял этот кровавый покер – то ли леггах, эти отвратительные жабы из облака Рахери, то ли кто-то из зарвавшихся пиратских королей. Я не знал мыслей Детеринга – несомненно, он имел свои соображения, – но склонялся ко второму варианту. Во-первых, леггах не подходит эта планета – для них непереносимы резкие сезонные изменения климата, так как у их родной планеты угол наклона к оси эклиптики ничтожно мал, к тому же и атмосфера для них здесь слишком плотная. Во-вторых, они могут решиться на традиционную мелкую пограничную пакость, но не на столь кардинальные меры. А вот пираты – это да, в это я могу поверить. Особенно в последнее время, когда несколько крупных кланов слились в единое целое. Их уже не устраивают базы на диких планетах, где приходится ходить в легких скафандрах и отражать атаки совершенно невероятных чудовищ. А вот здесь... на этой колоссальной планете с необозримыми ресурсами и многочисленным гуманоидным населением, можно подумать об основании собственного сеньората...

Полстолетия тому вопрос решился бы просто – десантные силы устроили бы здесь образцово-показательную резню, и больше ни у кого не возникло бы желания соваться на Рогнар. Но то были суровые времена суровых людей. Кстати, Детеринг в своем роде осколок прошлого – холодная, безжалостная смерть-машина, один из тех железных берсеркков, что вместе с росами железной рукой расчищали себе дорогу

в Галактике. Но то было в прошлом столетии... А теперь мы живем в эпоху высокой дипломатии. Теперь в сенате заседают надушенные педики, которые хватаются за сердце при одной мысли о каком-либо применении силы. Эти опереточные герои ведут нудные переговоры с пиратскими баронами, наглеющими день ото дня, они нянчатся с негуманоидами, рвущимися в пределы наших планет. А на Россе пришло к власти поколение, которое позорно дезертировало с поля последних сражений, прикрываясь якобы своей прогрессивностью и склонностью к отказу от «архаичных» традиций, а по сути – ломающее все моральные устои цивилизации поэтов и воинов.

Я иногда задаю себе вопрос: за кого я, черт побери, подставляю шею? За кого сражаются ребята из приграничных экипажей? За таких, как Экарт, который спит со своим помощником? За ленивых и трусливых ублюдков, прожигающих свою никчемную жизнь на всех имперских планетах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.